

«СЕДЬМОЙ ДЕНЬ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

СКАЗКИ ДЕТЕЙ УЛЬГЕНЯ

Шёл по тайге медведь-апшак, весело листьями под лапами шуршал. Шкура от сентябрьской сытости лоснится, глазки от ясного солнышка жмурятся – хорошо! Только на пасечника немного дулся – чем его обидел, почему из ружья стреляет?! Вдруг видит: в зарослях тальника пасечникова корова застряла. Решил недоброму человеку насолить – задрать пеструху. Телята у неё всё равно плохие – совсем невкусные. Начал ей выговаривать: «И зачем ты, глупая, сюда залезла? Если в болоте утонешь, кого обвинять будут? Меня! Скажут, что это я тебя съел». И так ему себя жалко стало – до слёз! «Ладно, – думает, – вытащу корову. Пусть пасечник помнит мою доброту!» Ухватился со всех сил за коровьи рога – только пёстрая голова в когтистых лапах осталась. «Ну вот, – говорит. – А голову твою я всё-таки спас! Видишь, какой я добрый»... Эту славную сказку, незамысловатую, как сладкий таёжный ручеёк, мамы, наверное, до сих пор своим детям рассказывают – где-нибудь в Усть-Анзасе, где весело хрумкают летней травкой влажмордые местные пеструхи и в окрестных лесах ещё не вывелись до конца косолапые. А в Новокузнецке, в центре шорской культуры «Аба-Тура», которым руководит Юлия КАУЧАКОВА, несколько дней назад праздновали традиционный Апшак-пайрам – это праздник Медведя, если перевести с шорского... Вот какой это важный для шорцев зверь!

Шорский апшак – всё равно что любимое дитя духов гор таг-эззи и духов воды суг-эззи. Таких древних, что их даже никак не изображали, потому что в шорской вселенной они существовали задолго до того, как люди научились делать идолов. Иногда таг-эззи являлись во сне молодым охотникам – в виде пышногрудых голых женщин. А медведь, по одной из легенд, был превращённым человеком, а по другим – имел одних предков с шорцами, так что, считайте, приходился им кровным родственником. В общем, священное животное, как ни крути! И всё же добыть апшака, естественно, дравшего коров и ворошившего улья вблизи людского жилья, было охотничьей мечтой, настоящей удачей. Уж больно сильные амулеты из него получались! Из кончика носа, где находилась звериная душа, из когтя или лапы... Лучшего средства против злых духов айна и не придумаешь. А если у своей пасеки поставит кол с медвежьей головой, повернутой к соседям, – твои пчёлы станут летать на чужую пасеку и воровать там мёд. Но, отправляясь на охоту, надо было обязательно остановиться у горы и угостить таг-эззи жертвенной ячменной брагой-абырткой, разбрызгивая её по кругу, подбросить вверх пихтовые ветки, попросить об удаче. А вечером покормить кусочками

кондомского духа охоты – сарыс – тоже постоянно подкармливали, развешивая на деревьях изображавшие его шкурки колонка и небольшие прямоугольные тряпочки. На территории нашей области, которую до XVII века занимал шорский народ, ещё сохранились уникальные сакральные и культовые места. Даже остались настоящие шаманы-камы, хотя их немного. Матери – особенно в деревнях – рассказывают своим малышам старые сказки, которые кайчи передавали из поколения в поколение, из уст в уста. Люди продолжают соблюдать древние обряды – например, во время похорон и поминок принято принести жертву от-эззи, духу огня. И будет до слёз обидно – с точки зрения истории, культуры, даже воспитания! – если всё это пропадёт, сгинет. Нужно объединять молодёжь, встречаться со старшим поколением, чтобы они успели передать нам свои знания. Нужно устраивать традиционные шорские праздники, чтобы знакомиться с обычаями, обрядами, ритуалами коренного народа нашего края... Если хотите – это цель моей жизни, моя работа.

Когда-то у каждого шорского поселения были свои кайчи и кузнецы. Первые воспитывали детей, помогали жить взрослым, потому что их сказки и легенды рассказывали, как устроена Вселенная и наш мир и как должен вести себя в нём человек. А вторые делали твёрдые железные ружья на желез-

Ульгень. И шорцы верили, что добрый бог, живущий на небе, и злой бог, обитающий в подземье, равны между собой, а их власть над человеком одинакова. Так что счастье, здоровье, богатство – даётся людям по воле обоих, а не одного божества. И очевидное зло – болезни и несчастья – тоже! Начинаящему каму вырезали колотушку-орба из черемуховой ветви с развилкой из трёх или пяти отростков, обтягивая её шкуркой белого зайца и привязывая к ремешку кусочки цветной материи. Но через год камлания колотушку обязательно надо было менять. А старые сильные шаманы камлали при помощи бубна. Место, где они общались с предками, задабривали духов, договаривались с братьями-богами, камы выбирали сами – обычно на поляне около берёзы. Свежую молоденькую берёзку ставили и в конический шалаш-одага, чтобы зелёные листочки торчали сверху. На её стволе делали девять зарубок – это были ступени, по которым шаман забирался по очереди на все небеса Всевышнего Ульгенья.

■ Юлия, а в вашей семье были кайчи или, может, камы?

□ Если честно, не знаю. Вроде обычная семья, а тем, что мы шорцы, я ещё в детстве привыкла гордиться. Мой папа Геннадий Гаврилович – военный. Был в Афганистане, служил в Германии, где мы жили до

Считалось, что она одновременно живёт и в верхнем мире, с Ульгением, и на земле, рядом с каждым новорожденным ребёнком, поэтому словом «умай» именовали любую детскую душу с рождения до трёх лет и даже младенческую пуповину. Добрая Умай-иче, как и Ульгень, имела обратную – злую! – сторону по имени Кара-Умай, которая насылала болезни и смерть на грудных детей. А вообще у шорского народа такая сложная, захватывающая космогония и мифология, что «цивилизованному» Древнему Египту и не снилось! И хотя в начале XX века большинство шорцев были крещены, а православные праздники и обряды вытесняли шаманистские, но не были забыты ни само шаманство, ни ещё более архаичные культы гор, воды, огня, тотемных животных. Более того – они сохранились до сих пор! Правда, скорее, просто в силу привычки. Впрочем, «правверными» христианами шорцы тоже не стали: они как индийцы – могут и красивую тряпочку к ветке привязать, и в церковь зайти, и Апшак-пайрам поспрадовать... Главное – чтобы помогало!

деревенские знают столько всего, о городские, даже не догадываемся это объединить! Хотя мы тоже стараемся. Я пишу сценарии, занимаюсь режиссурой праздников. У Светланы Ачонкиной кружок этнической моды «Эль-Хореограф Александр Осипов руководит танцевальным ансамблем «Чарык». Ирина Анатольевна Ниткина – во главе инструментального ансамбля «Кай». Этот коллектив появился самым первым – ещё в 98-м. А сегодня люди, которые в нём когда-то занимались, приводят своих детей, и они выступают в роли родителей! Самому центру «Аба-Тура» исполнилось 16 лет – его первым руководителем была Татьяна Аркадьевна Ващенко. А шорский музей «Тазыхан» появился в 2001 году стараниями и энергией талантливого человека Татьяны Ващенко. Тудегешева, которая не только является примером редкой, но и любви к культуре родного народа.

По представлениям шорцев – вытеснили ни казаки XVII века, ни православные священники XX века, живём на средней земле ой

мяса духа огня от-эззи, послушать, как перебирает две струны своего комыса сказитель-кайчи, которого специально брали с собой на промысел. Шуметь, кричать, ругаться в тайге – ни-ни! Ведь апшак понимает человеческую речь – недаром сам когда-то был одним из людей... И называть его по имени тоже нельзя – только «улу кижы», то есть «старый человек»!

Шорская культура – очень интересная, самобытная, – рассказывает Юлия Каучкова. – У меня и сейчас дух захватывает, хотя мне повезло прикоснуться к ней ещё в детстве, маленькой. Я родилась в Осинниках – там до тайги с кандыками, колбой, голубыми в пятнышках птичьими яйцами и до Кондомы, отражающей весёлые зелёные берега, совсем недалеко. Кстати, эта река сохранила исконное шорское имя – есть сказка, как суг-эззи, разбушевавшись, однажды не пустил перебраться через воду охотника, и тому пришлось заночевать на Кондоме. «Кондум» по-шорски – «ночевал». Люди из местного сеока, означавшего и род, и кость, почитали духа охоты шалыг. Его изображение – муж с женой, с одной ногой короче остальных – вырезали из дерева, хранили в холщовом мешочке, угощали самогоном-аракой и сытным чаем с талканом, когда охотники шли на промысел. Другого

дела, такие чудесные вещи из железа, что осваивавшие Сибирь казаки готовы были дорого заплатить, чтобы заполучить кольчуги и клинки шорских умельцев. Обе «профессии» – древние, священные, даже сакральные. Но самыми важными людьми в любом сеоке были шаманы – по-шорски «камы», которыми могли стать только особые избранники доброго Ульгения, жившего на своих девяти небесах. Обычно какие-нибудь родители обнаруживали у своего малыша отметину Ульгения – артак-сеок, лишнюю кость, бугорок на пальце или ямку в мочке уха. Шли к «действующему» шаману, и тот узнавал у главного духа-помощника – самого таг-эззи горы Мустаг! – будет ли мальчик камом. А получив подтверждение, начинал его учить. Если же хитрая косточка не находилась, то за будущего шамана брался злой Элрик, насылая своих подчинённых, духов айна, которые вызывали у избранника мучительную шаманскую болезнь, пока не добивались его согласия стать каном. Ульгень и Элрик – братья-творцы. Первый сотворил солнце, луну, звёзды, землю и реки. Второй – горы. Первый создал птиц, зверей и человека, но человеческую душу, как ни старался, сотворить не смог. Это сделал Элрик, поставив условие, что созданная душа будет принадлежать ему, а телом пусть владеет

стане, служил в Германии, где мы жили до начала 90-х. А когда вернулись – я совсем маленькая была – здесь всё просто бурлило! И папа тут же включился в это кипение – занимался организацией шорского движения в Осинниках, был делегатом I и II съездов шорского народа. А мама Тамара Александровна пела в шорском народном ансамбле «Тагдагал» – так местные жители когда-то называли Осинники, естественно, по-шорски. Родители меня ни с кем не оставляли – повсюду брали с собой. Я за это им очень благодарна – во мне рано появилась любовь к родной культуре... и боль за её судьбу. А ещё папина ответственность и целеустремлённость и мамнина мягкость и тяга к творчеству. Правда, папа хотел, чтобы я работала в милиции, но творческое начало всё-таки меня перетянуло. Я ведь с мамой выступала в ансамбле «Тагдагал», училась в музыкальной школе, играла на домре. И после гимназии, не раздумывая, поступила в Кемеровский университет культуры и искусства на руководителя этнокультурного центра. Преподавала в осинниковском Дворце культуры «Октябрь». Уже четвёртый год возглавляю в Новокузнецке центр шорской культуры «Аба-Тура» – мы находимся в ДК «Строитель».

Особое место в жизни шорцев занимало божество Умай, которую с уважительной нежностью называли Умай-иче.

■ А что означает на шорском языке «Аба-Тура»?

■ Это название поселения, которое находилось на месте нашего Новокузнецка долгие века до появления тут русских казаков. Аба-Тура – Отец-город или Город кузнецов. Считалось, что покровителем здешнего народа был бог Аб – хозяин одного из небес Ульгения, сам прекрасный кузнец, который спустился со звёзд на землю, чтобы научить людей этому древнему ремеслу. От Аба у нас в городе «остались» и речка Аба, и Абашево, и Абагур... Интересно, правда?! Сколько времени прошло, а языковая память об Абинских шорцах осталась! Когда-то это был большой сильный род – один из многих шорских сеоков. Аба-тур жил здесь – вместе с ещё одним прославленным родом, который назывался Четтывер, по имени родового тотема, семи волков. Упоминания об Аба-тур и Четтывер сохранились в древних китайских летописях, были высечены на камнях древнетюркских памятников... И это наша история! Я очень рада, что сейчас в центр «Аба-тура» приходит много молодых. Только жаль, что реальные носители шорского языка, культуры, обычаев, получив в Новокузнецке образование, разъезжаются обратно в деревни, где родились. Конечно, здорово, что образованная молодёжь связывает жизнь со своей малой родиной, но, если честно,

люди, живём на средней земле от... Над нами – небесная земля Ульгения. Под нами – земля злых духов Айна. И за каждым шорским родом, пор числится свой тотем – ворон, медведь-апшак или даже... шорский некий диковинный зверь, возможно давно вымерших, которого рисовали в бубнах самых сильных шаманов. И выбрали, когда в XIX веке придумали, как называть шорцев. А ещё у шорских сеоков есть свои... родовые горы. И все они очень старые, невысокие, высовываются из сплошного таёжного моря. Те, что повыше, почитаются как священная родовая гора Айна-Мрассу. Это Кан Месяца, охраняющая здешние земли. Шорские деревни – старейшие поселения в Кузбассе – более древнейшие. Шорцы тут всегда, сформировавшись в VI веке – даже Русь ещё не появилась. Но если считать от самодийцев и других бывших предками шорцев, получается, что они на несколько веков старше. Горную Шорию в древние времена караванные тропы – разные народы – вали с юга на север и с востока на запад. Они приходили и уходили. А те, кто оставались... И рассказывали детям сказки!

Записала Ирина
фото Владимира Шабалина